

УДК 81'42:32 + 81-112
ББК Ш1:Ф01 + Ш100.4

**ВООБРАЖАЕМАЯ ГЕОГРАФИЯ:
ЛОКАЛЬНАЯ ОСЬ СЦЕНАРИЯ «БУДУЩЕЕ РОССИИ»
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИСКУРСОВ
США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ НАЧАЛА XXI ВЕКА)**

О.А. Солопова

В настоящей статье представлен фрагмент исследования моделей будущего России, выполненного в рамках лингвополитической прогностики, на материале политических дискурсов США и Великобритании современного хронологического среза.

Ключевые слова: лингвополитическая прогностика, политический дискурс, будущее, прогностический политический текст, метафора.

Исследование, фрагмент которого представлен в настоящей статье, выполнено в рамках лингвополитической прогностики, нового направления в исследовании политического дискурса. Лингвополитическая прогностика предполагает системное объединение положений прогностики, лингвополитологии, диахронической метафорологии и использует инструменты прогностики и когнитивной лингвистики в изучении моделей и сценариев вероятных изменений политической системы.

В качестве материала исследования привлекаются прогностические политические тексты различных хронологических срезов, т.е. тексты политической проблематики, предметом отображения которых является анализ настоящих тенденций и будущих перспектив развития ситуации либо последствий выбора одной из альтернатив (положительной / отрицательной), призванные воздействовать на адресата при помощи продвижения образов будущих реальностей для получения желаемого результата, а также на политическую ситуацию в целом с целью ее изменения.

Лингвопрогнозные сценарии, являющиеся одним из инструментов познания будущего в лингвополитической прогностике, представляют собой связанную каузальную цепочку действий творцов будущего, локализованную во времени и пространстве, которая может разветвляться на два возможных «идеальных» пути – «светлое будущее» и «мрачное будущее» (Фреймы «Участники», «Темпорально-локальная ось», «Последствия»).

Слот «Пространственная локализация» представляет собой локальную систему координат лингвопрогнозного сценария, которая обладает специфическими особенностями в рамках каждого хронологического среза и составляет неотъемлемую часть модели будущего.

Наряду со временем осознание человеком реального физического пространства является важнейшим параметром материального мира: пространственные отношения считаются базисом для развития темпоральных и причинно-следственных отношений, что связывает разделы сценариев в единое целое. В рамках рассматриваемого слота будущее России получает географическую интерпретацию. Слот отвечает на вопрос «Какое место будет занимать Россия на геополитической карте мира?», представляя собой схему восприятия и интерпретации пространства, которое будет принадлежать России, конструирование и «картирование» альтернативных репрезентаций территории страны в политических дискурсах США и Великобритании современного хронологического среза.

В сценарном обеспечении синхронных моделей начала XXI в. (2000–2014), созданных на основе анализа корпусов текстов двух дискурсов, рассматриваемый слот представлен двумя тенденциями. Эволюция геополитического пространства России в современных условиях интерпретируется в русле «имперского реконструирования» и вероятной «территориальной дезинтеграции».

Остановимся подробнее на первой тенденции. В англоязычных политических дискурсах реанимация имперской политики России связана с геополитической преемственностью современной России внешнеполитических устремлений СССР: *Russia is still a relatively powerful country, and its perceived weakness will not keep it from continuing to act assertively as it reclaims its place as a strong and steady country overseeing its former Soviet sphere* / Stratfor, 04.02.2012 (US). *It is now clear that in the future, Russia will once again pursue its vital interests with military force – particularly in its “near abroad”. But Europe must never accept a renewal of Russian great power politics, which operates according to the idea that might makes right* / The Guardian, 21.08.2008 (GB).

Географические пределы новой империи включают страны «ближнего зарубежья», бывшие союзные республики. Наибольшую активность проявляют единицы со значениями построения, перестроения, возвращения ранее утраченного (to build a new Russian empire, to rebuild Russian influence in its former Soviet periphery, to build an ‘energy empire’, to create some kind of empire, to constitute the Soviet Union, to create a new global power bloc, to reclaim, to reconstruct the fallen Russian empire, the construct, to claw back, etc.): *What we’re up against now is a guy with the ambition of constituting maybe the Soviet Union 2.0 minus the communist ideology, maybe it’s just the Russian empire* / Washington Post, 18.03.2014 (US). *Nobody knows whether, lying somewhere in the dark recesses of the Kremlin, there is a map containing a definitive outline of the new Russian empire Mr Putin and his acolytes would like to create. But that is what they are undoubtedly seeking to*

achieve and there's very little – or so it seems – the West can do to stop them / The Telegraph, 05.09.2008 (GB). В англоязычных лингвопрогнозных сценариях актуальны образы «перестроения», «восстановления» разрушенного или утраченного ранее за счет близлежащих территорий, значительную часть из которых представляют республики бывшего СССР. По мнению авторов англоязычных аналитических статей, в современной России реконструкция имперской традиции состоит в желании формализовать свои отношения с бывшими советскими государствами, в восстановлении контроля и былого политического авторитета на постсоветском пространстве, в усилении геополитического влияния в данных регионах.

Пытаясь создать новую версию своей старой империи, современная Россия сохраняет модель поведения, свойственную государству на протяжении всей истории: *A specter is haunting Europe, the specter of Russian imperialism. Despite his mission to “gather the Russian lands” like the 15th-century's Prince Ivan the Great, this does not necessarily mean occupying Crimea today, Donetsk in eastern Ukraine tomorrow, and Russian-settled northern Kazakhstan the day after, but it helps define what he thinks is Russia's birth-right. Putin has come to see his role and Russia's destiny as great, unique, and inextricably connected. Even if this is merely an empire of, and in, his mind – with hazy boundaries and dubious intellectual underpinnings – this is the construct with which the rest of the world will have to deal, so long as Putin remains in the Kremlin / Foreign Policy, 21.04.2014 (US). But if there's any lesson to be learned from Russian history, it's that things can change very quickly. A balding, exiled bookworm named Lenin can return to Russia and in a few months seize control of the state, then in a few years reconstruct the fallen Russian empire under a new name / Foreign Affairs, July/August, 2014 (US).* В настоящем и в прогнозируемом будущем Россия продолжит политику объединения русских земель, политику «собирания земель» и «собирания власти», характерную для различных периодов развития государства российского (правление Ивана III Великого, советский период). Создание новой империи продиктовано вековым историческим опытом, решением стратегических задач национальной безопасности: *For Russia to be secure it must create some kind of empire / Economy Watch, 07.11.2011 (US).*

В современных англоязычных слотах «Пространственная локализация» очертания нового государственного целого укладываются в гипотетический сценарий создания евразийской империи, включающей в себя страны бывшего СССР: *Russia's other main challenge is the next stage of rebuilding its influence in its former Soviet periphery. Russia plans to further institutionalize its relationships with many former Soviet states and anticipates the formation of a Eurasian Union by 2015 / Stratfor, 04.02.2012 (US). Vladimir Putin's plan to create a Eurasian Union is about reclaiming the Russian Em-*

pire. He is in the process of creating a new global power bloc, the 'Eurasian Union', on the bones of what used to be the Soviet Union. Creating a pseudo-Soviet Union in the teeth of encroaching Chinese and American influence would see him hailed as the man who clawed back the Russian Empire / The Telegraph, 05.10.2011 (GB).

Вероятное усиление геостратегического контроля России над Евразией не может не обострять отношение с США, что, в свою очередь, влияет на выбор метафорических единиц с яркой пейоративной окраской при моделировании пространства, занимаемого Россией в будущем, ее возможных сфер влияния: *The Baltic states: Estonia, Latvia and Lithuania. Putin would love to digest them. As with Ukraine, for Putin this one's personal. Ukraine. Having seized Crimea with eye-popping ease, Putin is now beginning to gnaw at the rest of Ukraine. Even before he swallows the last of Ukraine, Putin is likely to turn east to Kazakhstan / New York Post, 03.05.2014 (US).* Физиологические метафоры продуцируют образы прожорливой, жадной до территорий других стран России, которая в лице своего президента жаждет переварить (*to digest*), обглодать, прогрызть (*to gnaw*), проглотить (*to swallow*) бывшие советские республики, превратив их вновь в части собственного организма.

В британском слоте «Пространственная локализация» современного лингвопрогнозного сценария при моделировании вероятной евразийской интеграции частотны милитарные образы: *Putin prepares the Russian empire to strike back. On his eastern flank, meanwhile, Putin is busy reviving the idea of a remodeled union embracing the former Soviet republics of central Asia, an arrangement that prospectively boosts Russian political and military influence / The Guardian, 01.12.2011 (GB).* Перспектива создания в России нового евразийского центра силы рассматривается как «нанесение ответного удара» (*to strike back*); наибольшую опасность, по мнению британских аналитиков, представляет восточный фланг российской имперской политики (*eastern flank*), качественное усиление активности России в Центральной Азии, которое расширит в будущем политическое и военное влияние государства в регионе.

Геополитические структуры не являются неизменными: они развиваются, прогрессируя и регрессируя. Практика конструирования альтернативных репрезентаций той или иной территории нацелена на переформатирование их значимости, что, по сути, является «необходимым условием и предпосылкой для контроля над данными территориями и населением, в конечном счете – для их захвата» [Bachelard, 1969; Demeritt, 1994; Driver, 1992; Rowntree, 1996; Said, 2000, 2001].

Ментальная репрезентация воображаемой территории, переструктуризация географического пространства является первым шагом к перестроению данного пространства в действительности, поскольку от формирования,

развития, структурирования, продвижения виртуальных географических образов территории того или иного государства, существующих в политическом дискурсе, непосредственно зависит репрезентация страны и ее имидж на международной арене.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02102).

Библиографический список

1. Bachelard, G. The Poetics of Space / G. Bachelard. – Boston: Beacon Press, 1969. – 330 p.
2. Demeritt, D. The nature of metaphors in cultural geography and environmental history / D. Demeritt // Progress in human geography. – 1994. – Vol. 18. – № 2. – P. 163–185.
3. Driver, F. Geography's Empire: Histories of Geographical Knowledge / F. Driver // Environment and Planning D: Society and Space. – 1992. – Vol. 10(1). – P. 23–40.
4. Rowntree, L.B. Cultural / humanistic geography / L.B. Rowntree // Progress in human geography. – 1986. – Vol. 10. – № 4. – P. 580–586.
5. Said, E.W. Invention, Memory and Place / E.W. Said // Critical Inquiry. – 2000. – Vol. 26(2). – P. 175–192.
6. Said, E.W. Orientalism: Western Conceptions of the Orient / E.W. Said. – New Delhi: Penguin Books India, 2001. – 363 p.

[К содержанию](#)